

В юности я заболела.

Сразу внесу ясность: в юности я верила, что истинные, по-настоящему достойные внимания истории любви состоят из страданий или потребности в колоссальных жертвах.

Любимые мной книги, песни и фильмы о любви, находившие отклик в моем сердце, еще долго вынуждали меня печалиться после того, как была перевернута последняя страница, стихала заключительная нота или шли титры.

Вот почему моя вера была так крепка — потому что я вынудила себя верить. Я породила сущего мазохиста в сердце романтика, что и стало причиной моего недуга.

Мне это было неведомо, когда я проживала свою историю, свою исковерканную сказку, поскольку была юной и наивной. Я поддавалась искушению и вскормила этого пульсирующего монстра, который с каждым ударом, с каждым толчком, с каждым вздохом алчно желал больше.

Вот в чем необычность вымысла в сравнении с реальностью. Нельзя прожить заново историю своей любви, потому что она заканчивается, как только ты

понимаешь, что живешь ею. Во всяком случае, так было со мной.

Спустя столько лет я убеждена, что сама претворила свою историю в жизнь под натиском болезни.

И все понесли наказание.

Поэтому я снова здесь — чтобы напиться, оплакать и, возможно, исцелить свой недуг. Здесь моя история началась и здесь мне придется довести ее до конца.

Этот город-призрак — место, которое преследовало меня в кошмарах, которое меня создало. За несколько недель до моего девятнадцатилетия мать отправила меня жить к моему отцу. К человеку, в доме которого в детстве я провела всего несколько летних каникул. По прибытию я быстро поняла, что его взгляды на родительский долг не поменялись. Он обозначил те же порядки, что и раньше: как можно реже попадаться ему на глаза и быть тише воды ниже травы. Я была обязана придерживаться строжайших моральных устоев и показывать отличные результаты в учебе, поддерживая его уровень жизни.

В последующие месяцы я, будучи узницей в его королевстве, само собой, поступила с точностью до наоборот, погубив себя, а в дальнейшем бросив тень на его имя.

В ту пору я ни о чем не жалела — во всяком случае, когда дело касалось моего отца. Пока не оказалась вынуждена столкнуться с последствиями.

Я и сейчас, в свои двадцать шесть, до сих пор мирюсь с ними.

Теперь мне совершенно ясно, что я никогда не перерасту Трипл-Фоллс и не забуду то, что здесь испытала. Я пришла к этому заключению после многолетней борьбы. Отныне я другой человек, но изменилась еще до своего отъезда. Когда все случилось, я твердо намерилась больше сюда не возвращаться. Но мне от-

крылась приводящая в ярость истина: я никогда не смогу забыть прошлое. Поэтому я вернулась. Чтобы примириться со своей судьбой.

Я больше не в силах абстрагироваться от ненасытной потребности пульсирующего в моей груди сосуда или изводящего меня подсознания. Вопреки своим желаниям, я никогда не стану женщиной, способной все забыть и оставить прошлое там, где ему самое место.

Ведя машину по извилистым дорогам, я опускаю окно, радушно привечая прохладный воздух. Мне необходимо заоченеть. Стоило выехать на шоссе, как в часы бодрствования в голове стали роиться воспоминания, которые я отчаянно пыталась усмирить с минуты побега.

Все дело в моих снах, которые отказываются меня освободить, которые продолжают свирепо сражаться в моей голове. Этот проигрыш терзает мне сердце, вынуждая проживать заново безжалостные отрезки из моей жизни, снова и снова начиная мучительный цикл.

Уже не один год я пытаюсь убедить себя, что после любви жизнь продолжается.

И, вероятно, для остальных это утверждение истинно, но со мной жизнь обошлась не так уж по-доброму.

Мне осточертело притворяться, что я не оставила свою душу между этими холмами и долинами, в лесной чаще, хранящей мои тайны.

Холодный ветер хлещет в лицо, но я по-прежнему чувствую кожей солнечное тепло. Вижу, как он заслоняет фигурой свет, ощущаю покалывающую уверенность, с которой он впервые меня коснулся, и мурашки, которые остались от его прикосновения.

Я до сих пор чувствую их всех — моих ребят с того лета.

Мы все виновны в случившемся и отбываем свое наказание. Мы вели себя безответственно и легкомысленно, думая, что наша юность делает нас несокрушимыми, освобождает от бремени наших грехов. И мы за это заплатились.

Когда я съезжаю с шоссе, на лобовое стекло тихо падает снег, посыпая тонким слоем деревья и землю. От хруста шин по гравию сердце стучит где-то в горле, а руки начинают трястись. Я обвожу взглядом нескончаемые вечнозеленые ели, растущие вдоль дороги, и пытаюсь убедить себя, что встреча лицом к лицу со своим прошлым — первый шаг в борьбе с тем, что преследовало меня долгие годы. Мне оставалось лишь обитать в тюрьме, которую я сама и выстроила. Вот та самая точная и разрушительная правда, с которой я намерена мужественно сразиться.

Многие считают всепоглощающую любовь подарком судьбы, тогда как я считаю ее проклятием. Проклятием, которое я не в силах снять. Я больше никогда не познаю любовь заново, как познала много лет назад. И не хочу. Не смогу. Я до сих пор ею больна.

У меня нет никаких сомнений в том, что это была любовь.

Бывает ли притяжение большей силы? К какому еще чувству я могла пристраститься на грани помешательства? Что могло вынудить меня совершить те поступки и жить с воспоминаниями об этой неправдоподобной сказке?

Даже предчувствуя опасность, я охотно сдалась.

Я не вняла ни одному предостережению. Я стала добровольной пленницей. Позволила любви управлять и губить меня. Я играла свою роль, прекрасно все понимая и искушая судьбу, пока она не сделала свое дело.

И даже не подумывала сбежать.

Остановившись у первого светофора на границе города, я кладу голову на руль и делаю глубокие вдохи, чтобы успокоиться. Мне презренно даже думать, что я, став другой женщиной, по-прежнему бессильна перед эмоциями, которые пробудила во мне эта поездка.

Вздохнув, я оглядываюсь на сумку, которую считанные часы назад кинула на заднее сиденье, приняв окончательное решение. Я глажу большим пальцем обручальное кольцо, верчу его, чувствуя очередной укол вины. Все надежды на будущее, которые я выстраивала долгие годы, рухнули в ту минуту, когда я рассталась со своим женихом. Он отказался принять обратно кольцо, а мне еще предстояло его снять. Оно висело на моем пальце незримым грузом лжи. Проведенное здесь в прошлом время привело к еще одной потере — одной из многих.

Я была обручена с мужчиной, верным своим клятвам, с мужчиной, достойным привязанности, бескорыстной любви. С преданным мужчиной с преданным сердцем и доброй душой. И я ни разу не была с ним честной. У меня не выйдет полюбить его так, как стоит жене любить мужа.

Он был для меня утешением, и принятие его предложения говорило о смирении. Когда я отменила нашу предстоящую свадьбу, то по одному только его взгляду поняла, что уничтожила жениха своей правдой.

Правдой, что я принадлежу другому. То, что осталось от моего сердца, тела и души принадлежит мужчине, который меня отверг.

Агония на лице моего жениха довела меня до предела. Он подарил мне свою любовь и преданность, а я выбросила их на ветер. Я сотворила с ним то, что сотворили со мной. Я послушалась свое сердце, и мой господин и монстр стоили мне Коллина.

Спустя несколько минут я освободила нас обоих. Собрала сумку и покинула жениха в поисках кары. Я провела за рулем всю ночь, понимая, что время не играет никакой роли, оно несущественно. Меня никто не ждет.

Минуло уже больше шести лет, и вот я возвращаюсь к отправной точке — к жизни, от которой спаслась бегством. В душе творился кавардак, пока я взывала к разуму, говоря себе, что уход от Коллина не ошибка, а необходимое зло, которое я причинила, чтобы освободить его от своей лжи. Я поступила с ним подло, дав обещания, которые никогда бы не исполнила. У меня больше нет сил любить и почитать в болезни и здравии, потому что я утаила силу своего недуга.

Я так и не призналась ему, что позволяла себя использовать, терзать, а порой унижать, и развращать... и что наслаждалась каждой секундой. Так и не поведала своему жениху, как обескровила свое сердце — лишилась его, — пока у него не осталось иного выбора, кроме как биться в отчетливом ритме, подстраиваемом под биение другого сердца. Тем самым я уничтожила свои шансы познать и принять любовь, которая исцеляет, а не ранит. Я знала и страстно желала только одну любовь — ту, что продлевает мою болезнь. Я болела от желаний, от страсти, болела от жажды и тоски. Эта извращенная форма любви оставляет шрамы и изматывает сердца.

Если мне не удастся, пока я здесь, достаточно оплакать прошлое, чтобы излечиться, я продолжу болеть и дальше. Таковым станет мое проклятие.

Меня вовсе не ждет счастливый финал, потому что я упустила шанс, приспособившись к темной стороне. Я привыкла к ней, сбросив за тот год все запреты, откликаясь на отвержение и боль и теряя все нормы нравственности.

Об этом не говорят вслух. Такие признания уважаемые женщины не должны озвучивать. Ни при каких обстоятельствах.

Но настало время признаться — больше даже себе, чем другим, — что я сама отказалась от шанса на нормальные, здоровые отношения из-за того, какой стала, и из-за мужчин, которые этому поспособствовали.

Сейчас я просто хочу смириться со своей сущностью и забыть о финале, который меня ждет.

Самое трудное во всем этом — не жених, чье сердце я разбила. А понимание, что один-единственный мужчина, которому хранило верность мое сердце, никогда со мной не будет.

Меня охватывает тревога, когда всплывают еще одни воспоминания. Я до сих пор слышу его запах, чувствую в своем теле его увеличивающуюся плоть, ощущаю его соленую сперму и вижу удовлетворенное выражение в его подернутых пеленой глазах. Я до сих пор испытываю сильный трепет от бросаемых им взглядов, слышу рокот его мрачных смешков и ощущаю цельность его прикосновений.

Когда я въезжаю в город, на меня снова и снова обрушиваются воспоминания. Мои намерения встретиться лицом к лицу с тем, что не давало мне покоя, начинают рушиться кусочек за кусочком. Потому что у меня есть некие представления, как выглядит истинный финал, и больше мне не удастся его избежать.

Возможно, нет никакого исцеления и забвения, но сейчас самое время разделаться с нерешенной проблемой.

Да начнется охота за призраками.

Подъехав к внушительным железным воротам, я набираю код, который дал мне Роман, и, разинув рот, во все глаза смотрю на представшее передо мной огромное поместье. Кругом ярко-зеленая трава и деревья, а вдалеке стоит внушительный дом. Чем ближе я к нему подхожу, тем явственнее ощущаю себя здесь посторонней. Слева от этого дворца располагается гараж на четыре машины, но я решаю припарковаться на круговой дорожке у подножия террасы. Выйдя из машины, разминаю ноги. Дорога не заняла много времени, однако с каждым километром конечности только сильнее деревенели. Дом роскошный, но мне кажется скорее тюрьмой, и сегодня первый день моего заточения.

Открыв багажник, я вытаскиваю сумки и поднимаюсь по ступеням, изучая далекую от цивилизации землю. Все здесь кажется неприветливым, кроме земли, на которой стоит этот дом. Так и несет богатством.

Ногой прикрыв за собой дверь, я оглядываю холл, в котором на одиноком столе стоит огромная пустая ваза. Уверена, она дороже моей машины. По правую сторону — парадная лестница, по левую — с помпой

оставленная столовая. Решив отложить экскурсию по дому, я плечом прижимаю телефон к уху и тащу сумки на второй этаж. Она отвечает после второго гудка.

— Привет, подруга, я на месте.

— Бред какой-то, — приветствует Кристи, когда я вхожу в специально выделенную для меня камеру и осматриваюсь. В комнате стоит совершенно белая кровать с балдахинном, которую выбрал для меня отец. Здесь точно такого же цвета шкаф, комод и туалетный столик. Жутко пафосно, кристально-белоснежно и совершенно не отвечает моему вкусу, что вовсе не удивляет. Отец совсем меня не знает.

— Это всего лишь до следующей осени.

— Год, Сесилия, целый год. Мы только что закончили школу. Это наше последнее лето перед колледжем, и именно сейчас твоя мама решила пожить для себя?

Все не совсем так, как говорит Кристи, но ради матери не пытаюсь переубедить подругу, потому что до сих пор не знаю, как объяснить случившееся. Горькая правда в том, что у моей матери случился колоссальный нервный срыв. Из-за него она потеряла работу и пыталась скопить денег, чтобы оплатить счета, которые ей больше были не по карману. Ее парень предложил ей пожить у него — ключевое слово «ей», а не ее внебрачной дочери. Мы с матерью всегда были близки, но даже я в последнее время перестала ее узнавать. Я старалась вести себя как хорошая девочка, но несколько месяцев назад мама ушла в себя, неделями дено и ночью распивая водку, пока не перестала вылезать из постели. Она почти отказалась от меня ради ежедневных пьянок. Я слезно молила ее дать мне объяснения, ответы, но ничего не добилась. Я не зна-

ла, как ей помочь, поэтому не стала печалить ее еще сильнее, рассказав, что приняла предложение отца и условия проживания в его доме.

Наблюдая, как моя мать разрушает себя, я приходила в ужас и не хотела, чтобы она осталась без присмотра в таком состоянии. Тем более, учитывая, что все эти годы она была матерью-одиночкой. Когда меня охватило отчаяние, я попросила отца продлить алименты — только на время, — чтобы помочь ей справиться финансово, хотя деньги, которые он отправлял ежемесячно и исправно ему были как слону дробина. Сумма едва ли превышала стоимость одного его пошитого на заказ костюма. Отец отказал и незадолго до окончания школы подписал последний чек, словно выдавая зарплату за оказанные услуги, будто моя мать была его рядовым сотрудником.

Даже в самых смелых фантазиях я не могла вообразить, как они вообще сошлись, как умудрились зачать меня, потому что такие люди не имели права размножаться. Они — полные противоположности. Моя мать... ну, до недавнего времени это была свободная духом женщина с множеством пороков. Мой отец — консерватор с острым языком и военной самодисциплиной. Насколько я помню, его график расписан по часам и подвергается изменениям лишь в самых редких случаях. Он просыпается, тренируется в спортзале, съедает половину грейпфрута и уезжает на работу до заката. Помню по детству, что единственная побрякка, которую он себе позволял, — несколько стаканов джина в конце затяжного рабочего дня. Вот и вся личная информация, что мне известна из-за его сдержанности. Остальное я могу прочесть в Интернете. Отцу принадлежит «Фортуна 500» — компания, которая раньше производила химические реагенты, а те-